

Научная статья / Research Article

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-148-157

Федор Леонидович Сеницын

Московский энергетический институт, Москва, Россия

permcavt@gmail.com

**АЛФАВИТ И РЕЛИГИЯ: СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА
1920–1930-х гг.**

С древности люди приписывали письменности религиозное происхождение. После революции в СССР развернулась борьба с религией, и одновременно шла широкомасштабная реформа алфавита путем латинизации. Эти акции были тесно переплетены. В Советском Союзе была распространена вполне обоснованная оценка алфавита как атрибута религии. Поэтому одной из целей латинизации стала открытая “борьба с влиянием религии”. Сопротивление латинизации во многих регионах страны было сильным и приобрело значительный религиозный оттенок. Особенно широко проявилось оно в областях, где ранее использовали арабскую графику. Тем не менее, “латинизаторы” при поддержке властей смогли подавить такое сопротивление и к 1937 г. перевести письменность 69 народов СССР на латиницу. Однако главной причиной угасания религиозного сопротивления была не деятельность “латинизаторов”, а общая активизация борьбы с религией в СССР. В конце концов, хотя “латинизаторы” формально выиграли свою битву, их деятельность все равно была обречена на провал, что было вызвано изменениями в государственной политике Советского Союза. В 1933 г. власти СССР решили вернуть русскому народу государствообразующую роль. Была начата жесткая критика предыдущих веяний, направленных против русского языка и алфавита. В 1935–1936 гг. был развернут широкомасштабный перевод письменности народов СССР на кириллицу, и к 1941 г. на нее были переведены письменности почти всех этносов страны.

Ключевые слова: письменность, латинизация, языковая политика, национальная политика, религия, СССР

Для цитирования: Сеницын Ф.Л. Алфавит и религия: советская политика и практика 1920–1930-х гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 148–157. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-148-157.

Fedor Leonidovich Sinitsyn

Moscow Energy Institute, Moscow, Russia

permcavt@gmail.com

**ALPHABET AND RELIGION: SOVIET POLICY AND PRACTICE
IN 1920–1930’S**

Since ancient times, people have attributed religious origins to writing. After the revolution, a struggle against religion unfolded in the USSR, and at the same time there was a shi-roscale reform of the alphabet by romanization. These stocks were closely intertwined. In the Soviet Union, a well-founded assessment of the alphabet as an attribute

© Сеницын Ф.Л., 2023

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 148–157.

Socio-economic and humanitarian journal. 2023;(4):148–157.

of religion was widespread. Therefore, one of the goals of romanization was the open "struggle with the influence of religion". Resistance to Latinization in many regions of the country was strong and took on significant religious overtones. It was especially widespread in areas where Arabic script was previously used. Nevertheless, the "Latinizers," with the support of the authorities, were able to suppress such resistance and by 1937 transfer the writing of 69 peoples of the USSR into the Latin alphabet. However, the main reason for the extinction of religious resistance was not the activity of the "Latinizers," but the general intensification of the fight against religion in the USSR. In the end, although the "Latinizers" formally won their battle, their activities were still doomed to failure, which was caused by changes in the state policy of the Soviet Union. In 1933, the USSR authorities decided to return the state-forming role to the Russian people. A harsh criticism of previous trends directed against the Russian language and alphabet was launched. In 1935–1936 a large-scale translation of the written language of the peoples of the USSR into Cyrillic was launched, and by 1941 the writing of almost all ethnic groups of the country had been translated into it.

Keywords: writing, Latinization, language policy, national policy, religion, USSR

For citation: Sinitsyn F.L. Alphabet and religion: soviet policy and practice in 1920–1930's // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 4. S. 148–157. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-4-148-157.



Введение. Известно, что с древности люди приписывали письму религиозное происхождение и, по мнению верующих, «записанные тексты несут на себе авторитет Бога, являются выражением божественной силы и власти, божественного определения» [1, с. 58]. Тип алфавита тесно связан с распространением соответствующей религии среди других народов – «религия определяет выбор шрифта» [2, с. 161], или, иначе говоря, «алфавит следует за религией». Это относилось и к латинской [3, с. 628–629], и к русской, и к арабской письменности [4, л. 85].

Однако в условиях Советского государства связь письменности и религии стала проблемой. Свобода совести в СССР не только не гарантировалась государством, но открыто им нарушалась. В рамках борьбы с религией, первой жертвой которой еще со времен Гражданской войны 1918–1921 гг. стала Русская православная церковь, подверглись гонениям все конфессии. В 1929 г. в Конституцию СССР была внесена поправка, отменявшая свободу религиозной агитации. В то

же время государство открыто поддерживало и финансировало пропаганду, направленную против религии.

В этот же исторический период в СССР была развернута широкомасштабная реформа алфавита. Еще в 1919 г. во властных кругах Советского государства «возникла мысль о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики» [5, л. 2]. С начала 1920-х гг. начала широко осуществляться программа перевода письменности, ранее основанной на арабской системе, – на латинскую основу («новый латинизированный алфавит», «новый тюркский алфавит», «яналиф» (от тат. ja'a əlifva – «новый алфавит»)).

Обоснование этой деятельности заключалось в педалировании «простоты», «красоты» и «интернационального» характера латиницы. На ее основе была запланирована «унификация» – создание единого алфавита для всех народов СССР, а в перспективе – для всех народов мира. Был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита

(ВЦКНТА) под руководством советского политического деятеля, председателя ЦИК Азербайджанской ССР С. Агамали-Оглы и аналогичные структуры в регионах, которые начали активно заниматься латинизацией и искоренением традиционных форм письменности. В 1930 г. ВЦКНТА был преобразован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) и стал официально заниматься латинизацией письменности не только тюркских, но и других народов СССР.

Являясь инструментами советской «культурной революции» 1920–1930-х гг., оба эти направления политики и практики – борьба с религией и внедрение латинского алфавита – закономерно не могли избежать тесного переплетения.

Цель, задачи и методы исследования. Отдельные аспекты советской политики и практики в сфере языка и письменности в 1920–1930-х гг. фрагментарно затронуты в ряде научных трудов, однако до сих пор в изучении этой темы остаются многочисленные лакуны. Целью исследования, представленного в статье, является анализ сопряжения деятельности по латинизации письменности и антирелигиозной политики и практики в СССР. Задачи исследования включают выявление характерных черт этого процесса, в том числе воздействия религии на сопротивление латинизации.

Исследование основано на анализе широкого круга как опубликованных, так и неопубликованных источников из фондов Архива Российской академии наук (РАН) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Результаты исследования и их обсуждение. В СССР была распространена вполне обоснованная оценка алфавита как атрибута религии, – к письменности «религиозного происхождения» причисляли фактически все использовавшиеся в стране алфавиты – арабский, армянский, грузинский, еврейский, монгольский, русский и др. Связь с религией, особенно, у «нерусских» алфавитов, подтверждали цифрами: «В то время как

книги религиозного содержания на русском языке составляют 1,9 % всех русских книг, для книг на национальных языках процент религиозных изданий повышается до 19,3 %» [6, с. 18]. Любая связь с религией с точки зрения советской идеологии была неприемлемой, и поэтому традиционную письменность заклеямили как «клерикальную» [7, с. 3], а народы, использовавшие традиционный алфавит, объявили «отсталыми» [8, л. 6].

Большой «идеологической» проблемой для «латинизаторов» было то, что латинский алфавит тоже имел связь с религией. Указание на этот «скользкий момент» проскакивало в советских публикациях. Так, в 1931 г. удмуртский «латинизатор», заведующий отделом народного образования Вотской автономной области Т. Иванов в статье, опубликованной в журнале «Культура и письменность Востока», заявил, что латиница – это «реакционный алфавит, являющийся сильнейшим оружием в руках католического духовенства», а Ватикан – «цитадель латинского алфавита» [9, с. 169]. Однако этот «скользкий момент» «латинизаторы» пытались обойти, объясняя, что хотя ранее «латинское письмо было церковным», в современных условиях оно стало «светским» [10, с. 26–27]. Таким образом, связь латинского алфавита и религии была закамуфлирована и «задвинута в угол».

Одной из целей латинизации была объявленная «борьба против влияния религии» [11, с. 22]. Латинизация русской письменности должна была «окончательно освободить трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции» [6, с. 214–215]. Таким образом, должен был быть обеспечен разрыв с «проклятым прошлым». Для других народов, использовавших кириллическую письменность, как писала газета «Ойротский край» в декабре 1928 г., латинизация также должна была служить избавлению от «религиозного затемнения трудящихся масс» [12, л. 177].

У бурят и калмыков введение новой письменности трактовалось как «удар по буддизму и его религиозной литературе», чтобы «порвать, наконец, все нити, связывавшие... с прошлым» [13, с. 103]. Участники Всесоюзной горско-еврейской конференции в апреле 1929 г. заявили, что в сфере традиционной письменности горским евреям «нечего терять, кроме Торы, Библии и почвы для работы сионистов среди горско-еврейских темных масс» [14, л. 64, 92]. В отношении арабской письменности «латинизаторы» заявили, что от нее можно легко отказаться, так как «других причин для принятия или удержания арабского алфавита, кроме религиозных, не было и нет» [15, л. 148]. Была поставлена цель путем отказа от этого алфавита вызвать тюрко-татарские народы, «находящихся в плену у ислама» [16, л. 85], «освободить трудовые массы от наследия прошлых веков, от тьмы, суеверия и религиозных предрассудков» [17, л. 115], «оторвать молодежь от Корана, освободить массу из-под ига мулл» [18, л. 1].

Однако латинизация вызвала сопротивление, которое было весьма сильным во многих регионах СССР. В него были вовлечены ученые, общественность и даже представители местных властей. Особенно широко проявилось оно в областях, где ранее использовали арабскую графику. «Латинизаторы» именовали своих противников «арабистами». Одним из видных противников латинизации был татарский ученый Г.Ш. Шараф, который в 1926 г. в Казани выпустил книгу «К вопросу о принятии для тюркских народностей латинского шрифта». В Казахстане против латинизации выступал политический деятель и публицист А. Байтурсунов. В 1927 г. «латинизаторы» сокрушались, что административный центр Казахстана г. Кызыл-Орда стал «ареной ожесточенной борьбы арабистов и латинистов», где «энергично... борется за арабский алфавит часть казахской интеллигенции» [19, л. 290б].

Сопротивление латинизации получило существенную религиозную окрас-

ку. «Латинизаторы» жаловались, что религия по отношению к их начинанию «играет резко отрицательную роль» [20, с. 16–17], религиозные активисты хотят «отбить удары нового алфавита по основам религии», и поэтому «подняли крокодилей вой против нового алфавита и стали на каждом перекрестке кричать “о гибели мусульманской культуры”, “спасите ценности буддийско-мусульманской культуры, цивилизации”» [11, с. 22, 25–26]. На заседании в ноябре 1929 г., посвященном открытию советской «Алфавитной выставки», сотрудник Коммунистической академии В.Б. Аптекарь отметил, что «в едином союзе против нового тюркского алфавита» находятся «представители религии» и «прежних господствовавших классов», а также «их ученые подпевалы из академического лагеря» [21, л. 12].

Как определили «латинизаторы», «арабизм» был тесно связан с религией либо даже имел религиозные аргументы в качестве основных. «Арабистов» рассматривали как «клерикально-национальное течение, стремящееся к сохранению в тюрко-татарском мире исламских традиций вообще и арабской письменности в частности» [15, л. 153]. Казахский «латинизатор» О. Алиев заявил, что «основной аргумент арабистов – это... воздействие на религиозные чувства населения, заявляя, что новый алфавит является алфавитом “кафиров” (неверных)» [22, с. 35]. Распространялись разного рода слухи, имевшие религиозные мотивы: «Когда... был поставлен вопрос о замене арабской письменности... которой писали Коран, многие думали, что это вызовет контрреволюцию, землетрясение и т.д.» [23, л. 23]. Впоследствии некоторые священнослужители действительно приписывали происшедшие в 1927 г. землетрясения в Средней Азии и Крыму «божьей каре за деяния латинистов, осмелившихся заменить “небесный” арабский алфавит на “нечистый” латинский» [15, л. 153].

Религиозно окрашенное сопротивление латинизации имело и внешнепо-

литический аспект: одним из аргументов «арабистов» было то, что СССР не имеет права взять на себя «ответственность за перемену общей азбуки без согласия других исламских народов» [24, с. 34] и таким образом «оторваться от зарубежного тюрко-мусульманского Востока». Противники латинизации заявляли о «почитании» арабского алфавита «низовой массой мусульманского крестьянства... за рубежом» [4, л. 78, 93], тем самым применяя принятую в СССР риторику апелляции к мнению «трудового народа».

Сопrotивление со стороны религиозных деятелей и активистов для «латинизаторов» было ожидаемым, и последние сознавали силу этого движения. В июне 1927 г. на заседании президиума ВЦКНТА видный советский деятель С.М. Диманштейн отметил, что «малейший промах, который будет в книге на латинском алфавите (имелось в виду неадекватная передача звуков языка латиницей, неверная орфография, пунктуация и пр. – Ф.С.) арабисты разнесут во всю» [25, л. 19]. В 1928 г. в связи с шестилетней годовщиной латинизации в СССР «латинизаторы» объявили, что половина этого времени «ушла на борьбу с противниками введения нового алфавита» [17, л. 115–116]. В апреле 1929 г. С. Агамали-Оглы заявил в адрес «латинизаторов» в Узбекистане, что, затягивая и усложняя процесс латинизации узбекской письменности, они могут «отпугнуть от себя население», которое скажет: «Давай арабский алфавит, раз ты ничего не можешь сделать. Арабский алфавит дал нам Магомед... а ты, человек, стал искать, ищешь уже 5 лет, будешь искать 15 и все равно ничего не найдешь» [14, л. 92]. В 1932 г. власти Бурятии сделали вывод, что «такой классовый враг, как ламство,... иногда не без успеха ведет борьбу против латинизации» [26, с. 7–8].

Контраргументация сторонников латинизации в ответ на тезис своих противников, что с переходом на латинский алфавит все литературное наследие на арабском алфавите будет утрачено, была основана на утверждении о низкой зна-

чимости «старой» литературы. «Латинизаторы» объявили, что «культурные “ценности” и вся “мусульманская культура” состояли всего-то из Корана и нескольких десятков божественных книг, молитвенников. Они пытались дискредитировать сами причины сопротивления, утверждая, что оно вызвано лишь корыстными мотивами: «Классовые враги, кулачество и их “правая рука” – духовенство – чувствуют, что введение нового алфавита основательно подрывает оставшуюся “почву” из-под их ног» [11, с. 22–23].

Кроме общих широкомасштабных мероприятий по латинизации, были сделаны практические шаги, непосредственно направленные на преодоление сопротивления. Так, выбор Казани как места проведения 3-го пленума ВЦКНТА в декабре 1928 г. был обусловлен «соображением продемонстрировать... достижения в области введения нового алфавита... именно в Казани, где... имеется наличие скрытых и явных противников в лице сторонников старой арабской письменности» [17, л. 64].

Накал сопротивления несколько снижало то, что некоторые религиозные деятели поддерживали переход на латинский алфавит, в частности, в Азербайджане, поскольку это, по их мнению, могло «содействовать лучшему распространению ислама». Они считали, что от написания слова «Аллах» знаками латинского алфавита человек «не становится менее мусульманином» [27, с. 52]. Такие настроения противоречили общераспространенным религиозным воззрениям, о которых было сказано выше, и, очевидно, являлись попыткой приспособиться к текущим реалиям.

В итоге алфавитной реформы в СССР к 1937 г. была переведена на латиницу письменность 69 народов [28, л. 17]. Уже с 1930 г. в стране было официально прекращено издание литературы на арабском алфавите [29, л. 13]. В подтверждение своего успеха «латинизаторы» приводили цифры, свидетельствовавшие о колоссальном росте грамотно-

сти на латинице. В 1930 г. С. Агамали-Оглы объявил, что 26 % азербайджанцев грамотны на «новом алфавите», а на старом были грамотны «до советизации» всего 1–1,5 %, после «советизации» – 5 %. За 1–1,5 года работы в Туркмении появилось 3 % грамотных, в Башкирии – 3, Татарии – 5, Дагестане – 5, Узбекистане – 6, Киргизии – 10, Северо-Кавказском крае – 16,7 % (а на «старом» алфавите везде, кроме Татарии, было лишь 1–2 % грамотных). Всего грамотных на «новом алфавите» в СССР насчитывалось 2 млн чел. [8, л. 7].

По данным «латинизаторов», к 1932 г. (за 7 лет внедрения латинского алфавита) процент грамотности в национальных регионах СССР в среднем вырос в 6 раз: при этом в Азербайджане – в 7 раз, Казахстане – 8, Туркмении – 16, в Таджикистане – в 22 раза. Считалось, что даже «у наиболее передовых... еще до революции татар процент грамотности на латинском растет... в 2 раза быстрее, чем на арабском алфавите». В Калмыкии грамотность на зая-пандитской письменности в 1925 г. была 2 %, на кириллице в 1929 г. – 5 %, тогда как на латинице в 1930 г. – 38 %, а в 1931 г. достигла 90 % [6, с. 38–39]. В 1933 г. среди местного населения Узбекистана насчитали 52 % грамотных на «новом алфавите» [30, л. 70].

«Латинизаторы» констатировали неудачу сопротивления, в том числе религиозно окрашенного [23, л. 23]. Уже в 1926 г. северокавказский «латинизатор» У. Алиев объявил, что «пророчества арабистов..., что создание графики на иной основе, нежели графика “священного Корана”, вызовет негодование Аллаха на небе и тем самым брожение божественных элементов на земле среди горцев... не оправдались» [31, с. 73]. В 1932 г. в Нижне-Волжском крае провозгласили, что «трудящиеся массы... не пошли за фанатиками, не пошли за муллами, которые пытались и пытаются использовать этот вопрос против советской власти» [11, с. 23].

Оценка достижений латинизации в борьбе с религией была высокой.

В 1932 г. было объявлено, что «задача... оторвать молодежь от Корана, освободить массу из-под ига мулл... уже выполнена» [18, л. 1]. В марте 1938 г. Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР в докладной записке в отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) отметил, что «принятие латинизированного алфавита... сыграло положительную роль у народов арабской письменности в деле борьбы против арабского алфавита как алфавита мусульманской религии» [32, с. 390].

Участие в религиозном сопротивлении латинизации, в свою очередь, стало причиной для «политических выводов», и впоследствии уголовного преследования людей. В ноябре 1929 г. на заседании, посвященном открытию выставки «Новая письменность народов СССР», представитель Наркомпроса Татарии С.С. Атнагулов отметил, что сопротивление дало «возможность... провести некоторую дифференциацию среди интеллигенции» [21, л. 5], то есть власти смогли выявить и «зафиксировать» своих «врагов» – сторонников арабского алфавита. Впоследствии, особенно в период массовых политических репрессий, хранение рукописей и книг, написанных на арабском алфавите, рассматривалось как «политическое преступление и контрреволюционная акция» [27, с. 153].

Однако на самом деле главной причиной угасания религиозного сопротивления латинизации была не деятельность «латинизаторов», а общее усиление борьбы с религией в СССР, которое произошло на рубеже 1920–1930-х гг., то есть как раз в разгар процесса латинизации письменности. В 1929–1933 гг. и 1933–1937 гг. «Союз воинствующих безбожников» провозгласил две «безбожные пятилетки», воплощение в жизнь которых выражалось в агрессивной атеистической пропаганде.

Власти, в свою очередь, усилили налоговое и административное давление на священнослужителей, произвели массовое закрытие храмов, осуществили ре-

прессии по «церковным делам». В 1932 г. начались преследования верующих мусульман и исламских священнослужителей. Всего в довоенное время было репрессировано от 30 до 50 тыс. исламских священнослужителей. К 1941 г. в СССР осталось 1312 мечетей и 8052 мусульманских священнослужителя (соответственно 9,3 и 17,9 % к их дореволюционному числу). Еще в 1931 г. был арестован глава калмыцких буддистов шаджин-лама Л.-Ш. Тепкин. Всего в период с 1917 по 1941 г. в Бурят-Монголии были репрессированы 1701 буддийский священнослужитель, в том числе к смертной казни были приговорены 520 лам.

Более 1,5 тыс. буддийских священников были репрессированы в Калмыкии. Буддийская конфессия в СССР как религиозный институт была полностью разгромлена. С одной стороны, «латинизаторы» формально одержали победу, с другой – их деятельность все же оказалась обречена на неудачу, причиной чего стали изменения государственной политики СССР.

26 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита». Такое «предложение» в условиях того времени следовало рассматривать как приказ. Когда стало ясно, что деятельность русских «латинизаторов» не прекратилась, со стороны властей последовала уже более жесткая реакция. 2 июля 1931 г. Политбюро приняло постановление, которое гласило: «Ввиду продолжающихся попыток “реформы” русского алфавита..., создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, ЦК ВКП(б) постановляет... воспретить всякую “реформу” и “дискуссию” о “реформе” русского алфавита» [33, с. 100–101]. Это была «первая ласточка» изменений советской политики.

В последующие годы власти СССР решили вернуть русскому народу государствообразующую роль. Новые подходы были приняты и в отношении русского языка, который теперь получил статус

«первого среди равных» [34, с. 18] среди языков всех народов Советского Союза и должен был «стать достоянием каждого советского гражданина» [35]. Русская письменность была объявлена «алфавитом творений Ленина и Сталина», «первой в мире по количеству изданной на нем маркс[истск]о-ленинской литературы», и алфавитом, «на котором изданы лучшие образцы мировой литературы» [36, с. 88–89].

Была развернута жесткая критика предыдущих веяний, направленных против русского языка и письменности. Партийные идеологи объявили, что замена русского алфавита «латинским... обесценила бы все эти богатства, принадлежащие культуре пролетариата». Кроме того, отмечалось, что «нигде не доказано», что будущим всемирным алфавитом «будет именно латинский алфавит, выработывавшийся в свое время отнюдь не для обслуживания культуры коммунистического общества» [36, с. 89] (а для «капиталистического мира»). Очевидно, теперь эта роль могла перейти к русскому алфавиту.

В подходе к латинизации постепенно нарастали изменения. Весной 1933 г. отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) дал Всесоюзному центральному комитету нового алфавита «твердые указания»: «Ни в коем случае не латинизировать алфавит тех народностей, которые применяют русскую письменность» [33, с. 102]. В 1935–1936 гг. был развернут широкомасштабный перевод письменности народов СССР на кириллицу, и к 1941 г. на нее были переведены письменности почти всех этносов страны. В феврале 1941 г. директор Института языка и письменности народов СССР В.А. Петросян сообщил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, что «перевод письменности народов СССР с латинской основы на русскую основу диктуется» тем, чтобы «создать одну единую основу письменности для родного и русского языка, облегчив тем самым прохождение (имелось в виду в первую очередь обучение в школе. – Ф.С.) как родного, так и русского языка», и «спо-

способствовать процессу сближения между языками народов СССР» [32, с. 617].

Заключение. Таким образом, сопряжение деятельности по латинизации письменности и антирелигиозной политики в СССР было достаточно сильным. Цель отрыва населения от религии, хотя и не была основной в советской программе реформ письменности, играла в ней одну из важных ролей.

«Латинизаторы» обоснованно видели связь традиционной письменности народов СССР с религией. Однако подходы «латинизаторов» имели противоречия. Во-первых, им пришлось придумать объяснение, почему восхваляемый ими латинский алфавит нельзя считать «религиозным» (тогда как он был письменностью Католической церкви, орудием миссионерской деятельности на всех континентах земного шара и пр.). В этом проявился типичный для советской идеологии манипулятивный обход «скользких моментов». Во-вторых, в СССР не было предпринято значимых попыток ликвидации грузинской и армянской письменности, хотя они тоже считались религиозными.

Очевидно, имела под собой некоторые основания и уверенность «латинизаторов», что введение нового алфавита (в первую очередь взамен арабского) поможет борьбе с религией. Тем не менее, на практике это бы не решило «религиозную проблему», так как в настоящее время, например, Коран издан и широко

применяется не только на арабском языке. То же относится к буддийским и другим священным текстам.

Жесткая антирелигиозная пропаганда в рамках процесса латинизации коснулась всех конфессий. Особенностью этого процесса было разворачивание наиболее обширной деятельности в сфере противодействия влиянию ислама, так как основная масса языков переводилась на латиницу именно с арабской письменности.

Значимость религиозного фактора в сопротивлении латинизации была очень высокой. В развернувшихся в СССР баталиях между сторонниками и противниками латинизации широко использовалась аргументация, связанная с религиозным фактором. Очевидно, что у религиозных аргументов против латинизации в советских условиях того времени не было шансов на победу, однако не в связи с эффективностью деятельности латинизаторов, а по другим причинам. На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР началась жесткая борьба с религией, обусловленная разворачиванием коллективизации и других реформ в рамках программы «социалистической модернизации». Именно усиление борьбы с религией, перешедшее в крайне жесткую, репрессивную фазу, свело к нулю возможность сопротивления «новому алфавиту» с религиозных позиций. Поэтому нельзя говорить о «чистой победе» «латинизаторов» над своими противниками.

Список источников

1. Андросова В.А. Небесные книги в Апокалипсисе Иоанна Богослова. М.: ПСТГУ, 2015. 329 с.
2. Томеллер В.С. Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе // X Супруновские чтения: языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 159–170.
3. Дирингер Д. Алфавит. М.: Изд-во иностран. лит., 1963. 655 с.
4. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5.
5. Санкт-Петербургский филиал АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13.
6. Культура и письменность Востока. Баку: ВЦКНТА, 1930. Кн. 6. 227 с.
7. Язык и письменность народов СССР: стенографический отчет I Всесоюзного пленума научного совета ВЦК НА (15–19 февр. 1933 г.). М.: ВЦКНА, 1933. 286 с.
8. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 213.
9. Культура и письменность Востока. Баку: ВЦКНА, 1931. Кн. 7–8. 231 с.
10. Революция и письменность. 1932. № 1-2. 174 с.

11. *Аитов-Гиль*. Новый алфавит: великая революция на Востоке. Саратов: Нижне-волж. краевое изд-во, 1932. 72 с.
12. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 43.
13. *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольское языкознание. Л.: Академия наук СССР, 1933. 119 с.
14. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 153.
15. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 52.
16. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 45.
17. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77.
18. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 352.
19. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 8.
20. За родной язык: сб. мат-лов по коренизации культурно-просветительной сети в РСФСР. М.: Учпедгиз, 1932. 109 с.
21. АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 47.
22. Культура и письменность Востока. Баку: ВЦКНТА, 1928. Кн. 1. 139 с.
23. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 218.
24. *Агамали-Оглу С.* Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народов. Баку: КНТА, 1925. 88 с.
25. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 14.
26. Сборник директив Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) по вопросам национально-культурного строительства. Верхнеудинск: Бурят-Монгольский обком ВКП(б), 1932. 52 с.
27. *Мударисова А.К.* Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань: [б.и.], 2001. 216 с.
28. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 977.
29. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 10.
30. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 44.
31. *Алиев У.* Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы). Ростов н/Д.: Севкавказкнига, 1926. 128 с.
32. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / сост. *Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая* [и др.]. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.
33. *Денисов В.* Проблемы «латинизации русского алфавита» // Источник. 1994. № 5. С. 99–106.
34. *Волин Б.* Великий русский народ. М.: Молодая гвардия, 1938. 47 с.
35. Правда. 1938. 7 июля. С. 1.
36. *Орлицкий Д.* Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81–96.

References

1. *Androsova V.A.* Nebesnye knigi v Apokalipsise Ioanna Bogoslova. M.: PSTGU, 2015. 329 s.
2. *Tomelleri V.S.* Bor'ba kirillitsy i latinitsy na Severnom Kavkaze // X Suprunovskie chteniya: yazykovoï kontakt. Minsk: RIVSH, 2015. S. 159–170.
3. *Diringer D.* Alfavit. M.: Izd-vo inostran. lit., 1963. 655 s.
4. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5.
5. Sankt-Peterburgskii filial АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 13.
6. Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. Baku: VTSKNTA, 1930. Kn. VI. 227 s.
7. Yazyk i pis'mennost' narodov SSSR: stenograficheskii otchet I Vsesoyuznogo plenuma nauchnogo soveta VTSK NA (15–19 fevr. 1933 g.). M.: VTSKNA, 1933. 286 s.
8. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 213.
9. Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. Baku: VTSKNA, 1931. Kn. 7–8. 231 s.
10. Revolyutsiya i pis'mennost'. 1932. № 1-2. 174 s.

11. *Aitov-Gil'*. Novyi alfavit: velikaya revolyutsiya na Vostoke. Saratov: Nizhnevolzh. kraevoe izd-vo, 1932. 72 s.
12. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 43.
13. *Poppe N.N.* Buryat-mongol'skoe yazykoznanie. L.: Akademiya nauk SSSR, 1933. 119 s.
14. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 153.
15. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 52.
16. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 45.
17. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 77.
18. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 352.
19. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 8.
20. *Za rodnoi yazyk: sb. mat-lov po korenizatsii kul'turno-prosvetitel'noi seti v RSFSR.* M.: Uchpedgiz, 1932. 109 s.
21. ARAN. F. 358. Op. 1. D. 47.
22. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka.* Baku: VTSKNTA, 1928. Kn. 1. 139 s.
23. GARF. F. 3316. Op. 20. D. 218.
24. *Agamali-Oglu S.* Neotlozhnye kul'turnye nuzhdy tyurko-tatarskikh narodov. Baku: KNTA, 1925. 88 s.
25. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 14.
26. *Sbornik direktiv Buryat-Mongol'skogo oblastnogo komiteta VKP(b) po voprosam natsional'no-kul'turnogo stroitel'stva.* Verkhneudinsk: Buryat-Mongol'skii obkom VKP(b), 1932. 52 s.
27. *Mudarisova A.K.* Reformirovanie tatarskogo alfavita v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Kazan': [b.i.], 2001. 216 s.
28. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 977.
29. GARF. F. 1235. Op. 124. D. 10.
30. ARAN. F. 676. Op. 1. D. 44.
31. *Aliiev U.* Natsional'nyi vopros i natsional'naya kul'tura v Severo-Kavkazskom krae (itogi i perspektivy). Rostov n/D.: SevKavkniga, 1926. 128 s.
32. *TSK VKP(b) i natsional'nyi vopros.* Kn. 2. 1933–1945 / sost. *L.C. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya* [i dr.]. M.: ROSSPEHN, 2009. 1095 s.
33. *Denisov V.* Problemy «latinizatsii russkogo alfavita» // *Istochnik.* 1994. № 5. S. 99–106.
34. *Volin B.* Velikii russkii narod. M.: Molodaya gvardiya, 1938. 47 s.
35. *Pravda.* 1938. 7 iyulya. S. 1.
36. *Orlitskii D.* Natsional-demokratizm v voprosakh yazyka i pis'mennosti // *Bol'shevik.* 1934. № 6. S. 81–96.

Статья принята к публикации 2.10.2023/
The article has been accepted for publication 2.10.2023.

Информация об авторе:

Федор Леонидович Сеницын, профессор кафедры истории и культурологии, доктор исторических наук, доцент

Information about the author:

Fedor Leonidovich Sinitsyn, Professor at the Department of History and Cultural Studies, Doctor of Historical Sciences, Docent

